

Как стать Радзинским

Известия. 1998. - 20 нояб. - с. 7

Юрий МОЛИБОГА

Новый цикл Эдварда Радзинского про Наполеона представляется лишь относительно новым. По крайней мере, по отношению к тому, в котором была поведена история жизни Сталина. Герой иной, эпоха другая, но сюжет тот же — как неказистый с виду человек становится диктатором и чем это для него и для страны кончается.

Само сходство биографий рассказчик и не думает скрывать. Наоборот, он не упускает случая его подчеркнуть. Бонапарт, как и Джугашвили, мал ростом, бешено честолюбив, заключает в себе некую магическую силу внушения, непреклонность воли, безграничную жестокость, чудовищную подозрительность и большое чувство юмора. Далее, обозначается подобие некоторых исторических реалий не только между сталинской и наполеоновской эпохами, но и между тем временем, которое предшествовало воцарению на престоле французского генерала, и уже нашим временем, когда в воздухе носится идея востребования русского Бонапарта.

Словом, Радзинский, рассказывая биографию французского Сталина, всего лишь переодевает своего персонажа, изменяет грим, интерьеры, предлагает несколько иные обстоятельства. Наконец, иную развязку. Не такую прозаическую, как в случае с советским вождем, который умер в луже собственной мочи. Ссылный император умирает так же романтично, как и жил, — природа металла громы и молнии над островом Св. Елены.

Творческое самоповторение — вещь обыкновенная среди литераторов, одержимых, как однажды выразился Александр Блок, «длинной фанатической идеей».

Радзинский неизменно и выбирает в свои герои людей именно с такой идеей — идеей ВЛАСТИ, которая в одном случае является государственной (Нерон, Наполеон, Екатерина II, Сталин), в другом — духовной (Мощарт, Чаадаев), в треть-

ем — моральной (Христос). И каждая из них в интерпретации биографа стремится к абсолюту. И каждая кончается крахом.

Если соотнести и разом окинуть мысленным взором сильно беллетризованные Радзинским биографии великих исторических деятелей, то легко увидеть в его изложениях некую идейно-тематическую игру в подмены. Жажда свободы утоляется страстью к тирании. Стремление к рациональному обустройству мира оборачивается безумием своеволия. Неудовлетворенные художественные комплексы находят свое продолжение в удовлетворяемых политических амбициях. И т.д.

Фоном, на котором разворачивается это сильно театрализованное действие, является трагическая судьба последнего российского императора, который был от рождения наделен абсолютной властью над громадной страной и который всю жизнь тчливо ее бежал. Его мученическая смерть — как бы укор и урок всем прочим честолюбцам. Есть еще один пример, который непременно присутствует во всех притчах Радзинского, — это Христос и его многовековая власть над толпой и отдельным человеком.

Нечаянной, но достаточно эффективной оправкой к этим этюдам о власти стал собственный комплекс рассказчика — его неутоляемая жа-

ВИКТОР АХЛОМОВ

Рисуя на телевидении образ Наполеона, Радзинский не забывает и про свой собственный

жда власти над публикой. Притом личной власти. Такой, какая бывает не у композитора, но у виртуоза-исполнителя. Не у драматурга, но у актера.

Радзинский был удачливым драматургом. Он им стал еще в советское время. Его пьесы считались одними из самых репертуарных. Они — в числе немногих созданий советских авторов — пользовались успехом на Западе. В кино у него нет удач, если, правда, не считать фильма по его пьесе «Еще раз про любовь» — картина неплохо прошла в прокате, но быстро соскочила. Впрочем, киноэкран как творческое поприще его не сильно и привлекал — он был слишком уж опосредованной формой контакта с аудиторией.

Проза, которой в последнее время Радзинский отдает предпочтение, тоже предполагает опосредованное общение с паствой, но у литературного сочинения есть то преимущество, что оно наименее подвластно времени.

Телевидение же словно создано для Радзинского — это ведь самая непосредственная форма общения, к тому же способная объять необъ-

ятное. То есть удерживать внимание вселенской аудитории.

На меньшее Радзинский, как и Наполеон, не согласен. Повествуя о своих героях, рисуя их яркие образы, рассказчик не забывает и про собственный образ, о котором можно сказать, что это воплощенная мудрость.

Радзинский явно не Шехерезада, которая тешит владыку занимательными историями, оттягивая свой конец, — он поучает человечество, оттягивая светопредставление.

Но, пожалуй, слишком увлекается в своем учительстве. Особенно это заметно было по циклу о Наполеоне. Сравнивая последнего со Сталиным, Радзинский упустил несколько важных мотивов, оттеняющих несходство сходного. Один диктатор стал знаковой фигурой, воплощающей индивидуалистический романтизм XIX века. Другой — стал маской толпы. Наполеон потопил в крови революцию во здравие частной собственности. Сталин сделал то же самое, но за ее упокой.

Разница вроде незначительная, но какие несходные исторические последствия.